

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Наши журналы.

«Северный Вѣстникъ». 1888 г. Мартъ.

Лучшею вещью въ мартовской книгѣ «Сѣв. Вѣст.» бесспорно является «Стень» Ант. Чехова. Этотъ молодой писатель занялся одно въ видныхъ мѣстѣ въ плеядѣ вновь народившихся русскихъ писателей. Онъ и художникъ, и психологъ. Мало сказать, что онъ хорошии, тонкии наблюдатель природы и человеческой общественной жизни; наблюдательностью обладаютъ многие, иные специально изучаютъ избранныи ими предметъ, собирались описать его, и по неволѣ, конечно, выставляють на видъ тавія незамѣтныя стороны этого предмета, что всегда въ состояніи бывають подкупить читателя. Чеховъ же подкупаетъ такимъ образомъ читателя. Его описанія или, лучше сказать, картины—арки, сочныя, поражаютъ не тѣмъ, что вотъ какъ это авторъ сумѣлъ подмѣтить то, другое, но тѣмъ, что какъ это автору все близко, все знакомо. Чувствуешь, что это у него выливается совершенно естественно, что нарисованныя имъ картины не просто изучены имъ, но живутъ въ немъ, переполняютъ его душу, и прорываются лишь удивляться, какъ онъ справляется съ переполняющими его воспоминаніями. фактами изъ житейской жизни, картинными образами.

Чеховъ задумалъ нарисовать стень, но не ту стень, что восторгала Гоголя и вырывала у него короткия, мѣткія восклицанія и тщательно отфланжыя, оточенные періоды, рисовавшіе просторъ, роскошь, ширь и даль степи, вызывавшіе въ читателѣ запахъ аромата степной травы и цвѣтовъ, но ту русскую восточную стень, которая при всей ея шире и дали вызываетъ въ читателѣ, вѣсто восторженнаго настроенія, только гнетущее представленіе о ея безлюдности, представленіе о пространствѣ, которое долженъ пройти по ней обозъ, танущійся къ торгово-промышленному пункту, народившемуся среди этой степи, представленіе о монотонныхъ часахъ ѣзды по ея большаимъ и проселочнымъ дорогамъ, о безжизненности ея и малокультурности. Всѣмъ намъ знакома эта стень, но съ тѣмъ большимъ пониманіемъ читаешь описаніе ея. Она играетъ роль въ нашей жизни, она наложила печать свою на русскаго человѣка и на всю русскую культуру.

Г. Чеховъ, ведя читателя по этой степи, развѣтываетъ передъ нами картину за картиной въ разные моменты ея жизни, оживляя эти картины тѣнами ственныхъ людей—начиная отъ питейлигентнаго по мѣтѣ и до обезнаго провожатаго. Главнымъ героемъ своимъ авторъ избралъ Егорушку, мальчика, оторваннаго отъ семьи и везомаго дядею-промышлен-

никомъ куда то въ ученіе. Въ душѣ мальчика паростаютъ самыя разнообразныя впечатлѣнія ственной обстановки, ея запахъ, людей и ихъ жизни.

Каковы описанія Чехова, мы приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ. Вотъ стень раннимъ утромъ:

...Солнце уже выглянуло сюда изъ-за города и тихо, безъ хлопотъ принялось за свою работу. Сначала далеко вперед, гдѣ небо сходится съ землею, около курганчиковъ и вѣтряной мельницы, которая издали похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками, пошла по землѣ широкая, ярко-желтая полоса; черезъ минуту такая же полоса засвѣтлалась нѣсколько ближе, пошла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной синицы, полоса свѣта, подкравшись сюда, ныгнула черезъ брочку и лошадей, поспѣла на встрѣчу другимъ полосамъ, и вдругъ вся широкая стень сбросила съ себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой.

«Сжатая розъ, бурьянъ, молочай, дикая ковола—все, побурѣвшее отъ зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росой и облакнатою солнцемъ, оживало, чтобы вновь задрѣсти. Надъ дорогой, съ веселымъ крикомъ носились старички, въ травѣ перекликивались суслики, гдѣ-то далеко влѣво плакали чибисы. Стадо куропатокъ, испуганное брочкой, вспорхнуло и со своимъ мягкимъ «тррр».... полетѣло къ холмамъ. Кузнечики, сверчки, сарпачи и медвѣдки затанули въ травѣ свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло нѣмного времени, роса испарилась, воздухъ застылъ и обманутая стень приняла свой унылый, июльскій видъ. Трава поникла, жизнь замерла. Загорѣлые холмы, буро-зеленые, вдали яловые, со своими покойными, какъ тѣнь, тонами, равнина съ туманною далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи, гдѣ вѣтъ лѣсовъ и высохшихъ горъ, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, отъбѣившими отъ тоски...

«Какъ душно и уныло! Брочка бѣжитъ, а Егорушка видитъ все одно и то же—небо, равнину, холмы.... Музыка въ травѣ притихла, старички улетѣли, куропатокъ не видно. Надъ поблекшей травой, отъ нечего дѣлать, носятся грачи; всѣ они похожи другъ на друга и дѣлають стень еще болѣе однообразной.

«Летитъ коршунъ надъ самой землею, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумываясь о скудѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлою несется надъ степью—и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно. А вдали машетъ крыльями мельница...

«Для разнообразія мелькаетъ въ бурьянѣ бѣлый черепъ или булыжникъ, выросеть на мгновеніе сѣрая каменная баба

или высохшая ветла съ сплел рекшой на верхней вѣтвѣ, перебѣжитъ дорогу сусликъ и—опять бѣгутъ мимо глазъ бурьянъ, холмы, грачи...»

А вотъ и первые ственные люди: «Брочка поравнялась съ отарой овецъ. — Стой! закричалъ Кузьмичовъ. Держи! Тррр!...

«Старикъ-чебанъ, оборванный и босой, въ телой шапкѣ съ грязнымъ мѣшкомъ у бедра и съ крючкомъ на длинной палкѣ—совсѣмъ ветхозавѣтная фигура—унялъ собакъ и, снявши шапку, подошелъ къ брочкѣ. Точно такая же ветхозавѣтная фигура стояла, не шевелясь, на другомъ краю отары и равнодушно глядѣла на проѣзжихъ.

— Чья это отара? спросилъ Кузьмичовъ.

— Варламовская! громко отвѣтилъ старикъ.

— Варламовская! повторилъ чебанъ, стоявшій на другомъ краю отары.

— Что, проѣзжалъ тутъ вчера Варламовъ, или вѣтъ?

— Прикащикъ ихній проѣзжалъ, это точно...

— Трогай!»

Варламовъ—это купецъ-промышленникъ, скупающій шерсть. Кузьмичовъ, дядя Егорушки, и о. Христофоръ, догнавъ свой обозъ съ шерстью, ищутъ въ то же время встрѣтить Варламова.

О. Христофоръ—80-ти л. дьяконъ, по порученію сына, предпринявшій побѣдку съ Кузьмичовымъ для продажи Варламову, легкомысленно купленной его синономъ шерсть—типъ очень интересный. Это человѣкъ мягкій, легкомысленный и смѣшлявый. Во всю свою жизнь онъ не зналъ ни одного такого дѣла, которое, какъ удавъ могло бы сковать его душу. Позналъ онъ науку, но она только умляетъ его и самому кажется совсѣмъ стороннимъ дѣломъ, какъ многіе изъ ственяковъ.

— «Что такое существо? Существо есть вещь самобытная, не требующая многого ко своему исполненію.

«Онъ повернулъ головой и засмѣялся отъ умиленья.

— Духовная пища! сказалъ онъ. Истинно, матерія питаетъ плоть, а духовная пища душу!

— Науку науками, вдохнулъ Кузьмичовъ, а вотъ какъ не догонимъ Варламова, такъ и будетъ намъ наука.

Около полудня прокожіе остановились на отдыхъ. Прекрасно описаніе впечатлѣнія полудня въ степи. Когда всѣ взрослые заснули подъ брочкой, Егорушка, перепробовавъ разные запятія и сбѣгавъ оглянуть по сторонамъ, узнать, между прочимъ, кто поетъ нѣбно за пригоркомъ, «сѣлъ на землю и весь отдался неприятному чувству тошноты, которое возбуждало въ немъ зной и иѣсныя. Онъ обнялъ колѣна руками и склонилъ голову... Горячие лучи жгли ему затылокъ, шею и спину. Заунывая иѣсныя то зампала, то опять пронеслась въ стоичемъ,

